

Г. Якобссон

ЭТИМОЛОГИЯ И СЕМАНТИКА НА ПРИМЕРЕ НЕСКОЛЬКИХ ДРЕВНЕРУССКИХ СЛОВ

Нельзя отрицать, что этимология в настоящее время занимает все меньшее место в науке о языке и в своем развитии подошла к критической точке; однако было бы слишком рано утверждать, что этимологические исследования уже сыграли свою роль¹. Верно, что этимологическая наука, пытавшаяся найти формальную связь между исследуемым словом и его этимоном при само собой разумеющемся условии если не семантической идентичности, то во всяком случае непроблематичной семантической зависимости слова и этимиона, — эта наука, считающаяся ныне классической, исчерпала себя. Этимологические исследования в этой области, напротив, игнорировали огромный материал, содержащий слова, слишком большое семантическое расхождение которых препятствовало предположению генетического родства между ними, несмотря на формальные соответствия, или не обладали достаточной компетентностью, чтобы охватить этот материал.

Если, таким образом, вполне естественно, что этимологическая наука проявляет все больший интерес к семантике, — красноречивым выражением этой новой ориентации может послужить высказывание такого классика этимологии, как Фасмер, относительно его «Русского этимологического словаря»: «Hätte ich die Arbeit von neuem zu beginnen, dann würde ich... der semasiologischen Seite grössere Beachtung schenken»², — то нельзя закрывать глаза и на тот факт, что и семантически направленная этимологическая наука находится в тяжелом положении. Стремление к объективному описанию явлений, характеризующее многие разделы современной лингвистики и покоящееся в конце концов на представлении о языковых явлениях как о составных частях одной системы, давно уже ощущалось как необходимое именно в семантически направленной этимо-

¹ Ср.: В. Н. Топоров. О некоторых теоретических основаниях этимологического анализа. — ВЯ 1960, № 3, стр. 44—59.

² Vasmeg III, стр. 507.

логии, для которой, к сожалению, вера была более характерна, нежели знание. Так как внеязыковая сфера стоит в тесной связи со значением слова, до сих пор не представлялось возможным перенести семантику полностью в чисто языковый план и описывать семантические явления как независимые от субъективности исследователя. Однако делались попытки создать определенные объективные критерии внутри семантики, семантические законы или тенденции, или описывать семантические явления как члены семантического поля, определяющего значения отдельных компонентов. Однако пройдет еще много времени, прежде чем можно будет установить какую-либо общую систему с возможностью контроля в семантике; вместо этого приходится следовать некоторым определенным линиям, которые постепенно можно будет привести к более стройной зависимости.

Что касается этимологизации с привлечением семантического поля, иногда бывает полезно применить взаимную мотивированность слов в качестве контрольного фактора. Чем больше обнаруженная мотивированность, тем сильнее доводы в пользу предложенной семантико-этимологии. Это особенно верно, когда дело касается определения конкретной основы абстрактного значения.

В древнерусском языке нередко встречаются слова, этимология которых не вызывает затруднений, и на ее основе устанавливается приблизительное значение. Изучение семантической истории таких слов рисует, однако, другую картину их значений и развития значений, что одновременно ведет к восполнению их этимологии. Древнерусский словарный запас с семантической стороны не исследован основательно, и это во многих случаях зависит от такой банальной причины, как отсутствие в течение долгого времени надежных и легко доступных изданий древнерусских текстов. Правда, в последние годы было много сделано для устранения этого недостатка, но движущей силой в этом направлении был не лингвистический интерес, а историко-экономические или историко-социальные соображения.

Мы выбрали несколько древнерусских слов, принадлежащих к определенному кругу значений, исследовали их семантико-этимологию и в особенности обращали внимание на их взаимную семантическую мотивированность.

Погренуты, которое обычно переводится как 'предать забвению'³, насколько мы могли установить, уникально, так как встречается только в древнерусском языке, и только в двух различных контекстах⁴. Существование этого глагола, однако, не вызывает никаких сомнений, если сличить его формально и по значению с древнерусским существительным *погребъ* в одном

³ Срезневский И., под словом *погренити*.

⁴ Срезневский И. и Картотека Древнерусского словаря Института русского языка АН СССР, Москва.

из его значений, а именно 'забвение'. Это значение слова *погребъ* не обычно в древнерусском, а ограничивается одной группой текстов, а именно междукняжескими договорными грамотами XIV—XV вв. Срезневский формально истолковывает *погренути* как *погребнути*, ссылаясь на вышеупомянутое *погребъ*, которое, кроме того, означает 'похороны', и глагол *погрести*, имеющий значения: '1. зарыть, скрыть; 2. похоронить; 3. положить; 4. погребсти, уничтожить'⁵. Подобные мысли высказывал уже Даль, хотя он под знаком вопроса отнес *погренути* 'не попомнить, предать забвению' к *погребсти* 'предавать земле, зарывать, закапывать, хоронить, отправлять похороны со всеми обрядами'⁶. Хотя против формального соединения, с одной стороны, *погренути*, *погребъ* и, с другой стороны, *погрести*, *погребъ* нечего возразить, возникает, однако, проблема семантического порядка: как совместить появляющееся только в русском языке значение 'предать забвению, забыть' — с первоначальным корневым значением в славянском *grebъ* 'greifen (raffen); harken; gidern; scharren, kratzen (kämmen), graben'⁷?

Так как примеры как с *погренути*, так и *погребъ* (в значении 'забвение') очень немногочисленны, неизбежно возникает вопрос: как могли установить особые значения 'предать забвению' или 'забвение'? Насколько мы могли разузнать, значение 'забвение' в слове *погребъ* появляется впервые у Карамзина⁸, и это значение затем повторяется в обычных словарях и справочниках и до наших дней⁹. Однако Карамзин не дает пояснения к значению 'забвение'. *Погренути* в значении 'предать забвению' мы нашли зафиксированным в словаре 1847 г., но без какого-либо дальнейшего комментария¹⁰. Однако кажется

⁵ 'Положить', конечно, не является каким-то новым значением *погрести*, а лишь результатом перевода в другую семантическую систему (ср.: E. Venepiste. — «Word» 10, 1954, стр. 252, § 3). Срезневский цитирует пример: съязмъші жена погреbe въ мѧчыныхъ ситѣхъ трыхъ, Мтф. 13:33 из Юревского евангелия. *Погреbe* соответствует в Мариинском четвероевангелии *сѣкры*, которое является переводом греч. ἐνέκριψεν. Срезневский позаимствовал 'положить' из русского перевода Библии.

⁶ Даль III, под словом *погренути*, соотв. *погребасть*.

⁷ Вегнекег под словом *grebъ* 1 и 2.

⁸ Н. М. Карамзин. История Государства Российского, I—XII. Изд. 2-е. СПб., 1818—1828 (далее — ИГР), V, примеч. 35, стр. 18: «погребъ (предается забвению)».

⁹ Кроме словарей Дая и Срезневского, см., например, «Словарь церковно-славянского и русского языка», сост. Вторымъ отд. имп. Академіи наукъ. СПб., 1847 (мы пользовались вторым изданием — I—IV. СПб. 1867—1868, — которое полностью совпадает с первым изданием), III, под словом *погребъ* '... 2) преданіе забвению'; «Памятники русского права» (I. Памятники права киевскаго государства. М., 1952; II. Памятники права феодально-раздробленной Руси. М., 1953. Далее — ПРП), II, стр. 414; *погребъ* ('конец, забвение').

¹⁰ «Словарь церковно-славянского и русского языка», под словом *погренути*.

вероятным, что значение 'предать забвению' (соотв. 'забвение') понималось как абстрагированное из конкретного значения 'похоронить'. Так, например, в словаре под словом *погребъ* стоит на первом месте значение 'погребение', а на втором 'предание забвению'¹¹, и подобная градация соблюдается Далем, который отличает фразу со словом *погребъ* 'забвение' звездочной, как известно, указывающей на переносное значение¹². Как уже упоминалось, Срезневский дает для *погрести* особое значение — 'погребести, уничтожить', и в приведенном примере ясно просвечивает первоначальное значение 'похоронить':

Погребль юси неприазниныхъ бѣсовъ лаꙑниа пощениемъ (и) многими мѣтвами (Служебная миная за ноябрь по рукописи Типографской библиотеки 1097 г.)¹³. Хотя греческий текст к этому отрывку отсутствует¹⁴, все равно *погребль юси* должно восходить к значению 'похоронить', как показывает продолжение того же отрывка: оче. мъртвъ въ гробѣ лежа, и т. д.¹⁵ В другом из цитированных Срезневским примеров — Въсе вѣтъ-хааго Адама да *погребеть* въ водѣ (XIII словъ Григорія Назіанина по сп. Имп. публичной библ. XI вѣка) — ἐνθάπτει в греческом тексте подтверждает значение 'похоронить'¹⁶.

В этих примерах, без сомнения, глагол *погрести* имеет переносный смысл, который, так сказать, передает переход от конкретного исходного значения 'похоронить' к специальному переносному значению 'предать забвению' (соотв. 'забвение') в древнерусских словах *погренути* и *погребъ*. Известно из многих источников, что конкретное значение 'похоронить' легко приобретает переносный смысл, причем, однако, метафора легко различима. Так, например, в русском языке XIX в. мы находим, что *погрести* 'похоронить' имеет переносное значение 'предать забвению, забыть'.

¹¹ «Словарь церковно-славянского и русского языка», под словом *погребъ*: подобным образом: Срезневский II.

¹² Даль I, стр. 15. В третьем издании слово пишется как *погрѣбъ*.

¹³ Служебная Миная за сентябрь, октябрь и ноябрь. Въ церковно-славянскомъ переводе по русскимъ рукописямъ 1095—1097 г. Трудъ... И. В. Ягича. СПб., 1886 (=«Памятники древнерусского языка», т. I), стр. 436.

¹⁴ Там же, стр. 600.

¹⁵ Там же, стр. 436.

¹⁶ В качестве комментария к предложению известного анти normаниста С. А. Гедеонова отождествить др.-русск. *погренути* с чеш. *pohrdnouti* 'отбросить, презреть' Срезневский еще ранее изложил свои взгляды на этимологию и значение *погренути* и *погребъ*: «... и глаголь *погрести* и сущ. *погребъ* употреблялись для обозначения забвения прошедшего, прошения, и въ этомъ отношении слово *погренути* можетъ быть считаемо общеславянскимъ» («Замѣчанія о книгѣ С. А. Гедеонова «Варяги и Русь» Академика И. И. Срезневскаго» == «Отчетъ о двадцатомъ присужденіи наградъ графа Уварова». СПб., 1878, стр. 692).

Забыли русский штык и снег,
Погребший славу их в пустыне (Пушкин, Бородинская
годовщина);

Этакой срам, да еще нести его на суд... Надо его *погребсти*, надо совсем забыть этот срамный угар (Салтыков-Щедрин, Письма)¹⁷.

Или пример из старинной хорватской литературы: *Dlžni jesmo... naše grihe nutri i nas umarati, pogresti je, od njih uskrnuti i ostaviti se* (Postila... štampana v Tobingi 1562)¹⁸ 'Мы должны наши грехи внутри у нас убить, похоронить их, воскреснуть от них и отказаться'.

Этот набросок семантического анализа может с первого взгляда показаться заманчивым, но было бы слишком поспешным применить его к древнерусским словам *погренути* и *погребъ* без предварительного исследования их семантической среды. Указанное развитие значений строится по существу на предположении, что исходным значением слова *погренути* было 'похоронить'. Можно ли доказать, что этот древнерусский глагол имел именно данный смысл? Что касается *погребъ*, это слово, несомненно, обнаруживает значение 'погребение, похороны', но можно ли показать, что это значение находится в прямой связи с тем значением, которое заставляет нас соединять это слово с *погренути*? Важно подчеркнуть, что метафорическое употребление *погренути*, цитированное Срезневским, и *pogresti* в древнехорватском относятся исключительно к церковной литературе, а примеры из современного русского языка по своему метафорическому характеру приближаются к более высокому книжному стилю. С другой стороны, древнерусские слова *погренути* и *погребъ* (в значении 'забвение') принадлежат в высшей степени бытовому словарю и по причине объективного характера юридического стиля ни в коем случае не производят впечатления метафорически употребленных. Примеры, приведенные ниже, ясно иллюстрируют деловой стиль. В связи с этими примерами мы обсудим другие, синонимические, переводы слова *погренути*. Существование таковых и отсутствие объяснения их происхождения свидетельствуют о том, что первоначальное значение *погренути* или *погребъ* не было ясно.

О мѣсачныи рѣзъ. оже за мало то імати юму. заидуть ли сѧ куны. до тогѡ же года. то дадать юму куны въ треть а мѣсачныи рѣзъ *погренути*. В этой статье, встречающейся только в пространной редакции Русской Правды и цитируемой по Троицкому списку (XIV в.), *погренути* Срезневским переводится

¹⁷ Эти примеры взяты из «Словаря современного русского литературного языка», т. 10. М., 1960, стр. 195.

¹⁸ RJA X, стр. 424.

как 'предать забвению'. Однако уже в конце XVIII в. эта статья передается следующим образом: «Мѣсячныя росты братъ позволяетъ только за малое число дней, а ежели кто взявшъ у кого деньги, изъ платежа мѣсячныхъ ростовъ, на краткое время, продолжитъ ихъ до другаго года, съ таковаго взыскать третнія росты, а мѣсячныя уничтожить»¹⁹. В комментарии²⁰, как и в «указаніе всѣхъ, находящихся въ сей книгѣ матерій, также словъ и названій древнихъ изъ употребленія вышедшихъ...»²¹, стоит только: *погренути* 'отставить, уничтожить'. Нам не представилось возможности установить, на чём основывает Болтин свой перевод, так как мы не нашли *погренути* ни в одном словаре того времени²². Другие переводчики и комментаторы Русской Правды повторяют, очевидно, перевод Болтиным слова *погренути*, как, например, Довнар-Запольский²³. Встречаются и другие переводы, например 'отвергнуть'²⁴, 'отменить, аннулировать'²⁵, хотя мы не знаем, каким путем получены именно эти варианты.

Даже если в существовании *погренути* нет никаких сомнений — это слово существует, кроме того, во множестве других рукописей²⁶, — стоит упомянуть, что в древнейшем списке пространной редакции Русской Правды, так называемом Синодальном списке 1282 г., вместо *погренути* стоит *отъгрѣнути* (*ѡгрѣнути*). Кажется вероятным, что это слово в древнерусском должно было быть *ѧпаѣ л҃ѹмѹенѹ*, отнесенное Карским к «более редким словам»²⁷, хотя возвратные глаголы *отъгрѣнѹтиса* 'уда-

¹⁹ Правда Русская или законы великихъ князей Ярослава Владимира и Владимира Всеолодовича Мономаха, съ преложеніемъ древняго оныхъ наречія и слога на употребительные нынѣ, и съ объясненіемъ словъ и названій изъ употребленія вышедшихъ. Изданы любителями отечественной исторіи. Печатаны въ Московской Синодальной типографіи 1799 года, стр. 51—52. — Известно, что основная заслуга в создании этой книги, которая, кстати, вышла уже в 1792 г. в Санкт-Петербурге, принадлежит И. И. Болтину.

²⁰ Там же, стр. 55.

²¹ Там же, стр. X.

²² *Погренути* и *погребъ* отсутствуют в «Словаре Академіи Россійской», ч. I—IV. СПб, 1789—1794.

²³ «а мѣсячный рез *погренути*», т. е. счет процентов за месяц уничтожается, см.: М. В. Довнар-Запольский. История русского народного хозяйства. Киев, 1911. За исключением этой книги, цитата заимствована из Правды Русской, II. Комментарии. М.—Л. 1947 (далее — ПР II), стр. 422.

²⁴ «Кievская Русь». Сб. подъ редакціей В. Н. Сторожева. Томъ первый². М., 1910, стр. 586 : 47.

²⁵ ПРП I, стр. 161: *погренути* 'уничтожить'; стр. 127 : 51: «а мѣсячный рез аннулируется»; II, стр. 414: *погренути* 'отменить, аннулировать'.

²⁶ Ср., например: Н. Калачовъ. Предварительная юридическая свѣдѣнія для полнаго объясненія Русской Правды. Выпускъ первый². СПб, 1880, стр. 139.

²⁷ Е. Ф. Карский. Русская Правда по древнейшему списку. Л., 1930, стр. 19.

литься, воздержаться' и *огренѣтиса* 'удержаться, удалиться' также встречаются²⁸. Относительно этого слова мы также не всегда знаем, каким образом получались варианты перевода. Хотя у нас нет под рукой работы Раковецкого²⁹, мы знаем, что в этом месте у него стоит *odrzucić*, т. е. 'отбросить'. Хотя он позаимствовал текст из издания Болтина, он использовал также варианты из Синодального списка³⁰. Этот перевод напоминает позднейшие переводы, о чем будет сказано ниже. *Отъгренути* тем не менее было И. Платоновым переведено как 'уничтожить' ('а месячные уничтожаются')³¹, что явилось переводом с написанной И. Ф. Г. Эверсом на немецком языке работы ('und die monatlichen Zinsen erlöschen')³².

Единственный, кто, насколько нам известно, пытается поставить перевод слова *отъгрѣнути* на этимологическую почву, это А. Соболевский, сопоставляющий его со словами *съгренути* (Срезневский III, под словом *съгрѣнѣти* 'сбить, сорвать'), *огрѣбатиса* (Срезневский II, под словом *огрѣбатиса* 'удалиться, удерживаться, избегать') и переводящий его как 'отбросить, оставить'³³. Однако Соболевский не рассматривает ближе семантические взаимоотношения. В тогдашней этимологической науке считалось, что здесь речь идет о другом гнезде слова *greb-* с первоначальным значением 'хватать', в отличие от *greb-* в *погребъ* и др.³⁴ Гетц последовал толкованию Соболевского и перевел *отгрѣнути* как '*lilgen*'³⁵. Срезневский перевел это слово как 'отринуть, уничтожить'³⁶, а Карский — как 'отринуть, уничтожить, отбросить, оставить'³⁷.

Несмотря на то, что некоторые исследователи при взаимном сравнении многочисленных списков пространной редакции Русской Правды склоняются к тому, чтобы отдать предпочтение Синодальному списку³⁸, все же преобладает мнение, что *погре-*

²⁸ Однако не в собственно древнерусском языке, ср.: Срезневский II, под цитируемыми словами.

²⁹ Rakowiecki i. Prawda Ruska... I-II. Warszawa, 1820—1822: «a miesięczne procenta odrzucić». Цит. по ПР II, стр. 419.

³⁰ Н. Калачовъ. Указ. соч., стр. 15.

³¹ И. Платонов. Древнейшее русское право въ историческомъ его развитии. СПб. 1835. Цитата из ПР II, стр. 419.

³² I. F. G. Evers. Das älteste Recht der Russen in seiner geschichtlichen Entwicklung. Dorpat, 1826, стр. 323. — К этому переводу не дается комментариев.

³³ А. И. Соболевский. Язык Русской Правды. — ЖМНП 1886, 4, стр. 381—382.

³⁴ Miklosich, стр. 77; A. Meillet. — MSL 14, 1906—1908, стр. 333.

³⁵ L. K. Goetz. Das russische Recht, III. Stuttgart, 1912, стр. 237.

³⁶ Срезневский II, под словом *отъгрѣнѣти*.

³⁷ Е. Ф. Карский. Указ. соч., стр. 110.

³⁸ Например, Карский (указ. соч., стр. 21).

нүти — более раннее слово, отражающее протограф, общий как для Троицкого, так и для Синодального списка³⁹.

Третий вариант — *поринути* — встречается в Пушкинском списке (XIV в.). Это слово употребляется значительно чаще, чем *погренути* и *отъгренути*, и встречается как в церковнославянском, так и в собственно русском языке. По Срезневскому, оно означает: '1. столкнуть, низвергнуть; 2. толкнуть; 3. бросить, оставить, покинуть; 4. изгнать; 5. отвергнуть, отмѣнить' (в цитированном примере из Русской Правды).

Создается впечатление, что при переводе *погренути* и *отъгренути* оба глагола недостаточно разграничивались, а кроме того, оказал влияние более часто встречающийся и более известный по значению глагол *поринути*⁴⁰. С точки зрения контекста три древнерусских глагола — *погренути*, *отъгренути* и *поринути* — и их различные переводы равно приемлемы, но они не разрешают вопроса о семантическом происхождении *погренути*.

В другой связи встречается *погренути* в так называемых междукняжеских договорных грамотах XIV и XV вв.:

А что судилъ Киприанъ митрополит судеи нашихъ ѿбщихъ, Полукариа, и Михаила, и Ивана, и Клементиа, и что соудили суды наши ѿбчие и грамоты подавали, и что будет взат(и), то взати, а что боудеть не взат(и), а то есмы погреоули (Докончание великого князя Василия Дмитриевича с великим князем тверским Михаилом Александровичем около 1396 г. Грамота в. кн. Василия Дмитриевича в. кн. Михаилу Александровичу)⁴¹.

Почти слово в слово читаем мы в грамоте от примерно 1439 г.:

А что судил Киприанъ митрополитъ судеи нашихъ ѿбчихъ, Полукариа, Михаила, Ивана, Климентиа, или что судили суд(ъ)и наши ѿбчии и грамоты подавал(и), что будет взат(о), то взат(о), а что будет не взат(о), то есма погреули (Докончание великого князя Василия Васильевича с великим князем тверским

³⁹ Ср. Н. (=М.) Н. Тихомиров. Исследование о Русской Правде. Происхождение текстов. М.—Л., 1941, стр. 233 и сл.; стр. 242, примеч. 8: *отъгренути* должно быть *отъгрѣнути*.

⁴⁰ Ошибочное этимологическое тождество между *отъгренути* и *поринути*, предполагаемое П. Мрочек-Дроздовским, — «Изъ сопоставленія этихъ членій оказывается, что звукъ *г* здесь — бѣглый; — что касается до отношенія *к* и *и*, то оно общезвестно, а слитные предлоги *от* и *по* въ данномъ случаѣ безразличны, ибо и то и другое слова были въ употреблѣніи единовременно и въ одномъ смыслѣ» («Ізслѣдованія о Русской Правдѣ», вып. II, М., 1885, стр. 223) — было немедленно опровергнуто Соловьевским (указ. єоч., стр. 375).

⁴¹ «Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV—XVI вв.» М.—Л., 1950, № 15, стр. 41—42 (далее — ДДГ).

Борисом Александровичем. Грамота в. кн. Бориса Александровича в. кн. Василию Васильевичу)⁴².

Именно в этом примере Карамзин первый, насколько нам известно, перевел *погренули* как 'оставили'⁴³ без каких-либо дальнейших пояснений. Не исключена возможность, что его вдохновили на такой перевод другие обороты подобного типа, например: что будет взято право, то *стало*, а что будет взято криво, то *стдати по исправѣ* (Докончание в. кн. Василия Васильевича с князем галицким и звенигородским Юрием Дмитриевичем 1428 г.)⁴⁴, где непереходный глагол *стало* стоит в том же положении, что и переходное *погренули*, которое получает таким образом вполне логично значение 'оставили'. Никакой связи между *погренули* и комментированным им в другом месте *погребъ он*, видимо, не установил. Те же фразы со словом *погренути* повторяются позднее (около 1456 г.) в другом докончании, а также в «противне» между теми же князьями⁴⁵.

Примеры на *погребъ* в значении 'забвение' все принадлежат одной и той же эпохе и одному жанру, а именно упомянутым выше междукиянским договорным грамотам, где они встречаются довольно часто, например: А как есми стал под городом под Тѣбрью до Семена дни за мѣсац, что будеш(ъ) оу мене вздл воиной в тот мѣсаць, тому всему межи нас *погребъ*. А как еси к нам сложил целован(ъ)е, а что мы оу тебе поимали и повоевали, а тому всему межи нас *погреб* (Докончание великого князя Дмитрия Ивановича с великим князем тверским Михаилом Александровичем 1375 г. Грамота в. кн. Дмитрия Ивановича в. кн. Михаилу Александровичу)⁴⁶. Карамзин переводит *погребъ* как 'забвение' ('предается забвению') именно в этом примере⁴⁷. В другом примере — тому всему *погребъ*, — относящемся к 1471 г., кроме перевода 'забвение', современным переводчиком предлагается вариант 'конец'⁴⁸.

По всей вероятности, можно предположить, что *погребъ* в сохранившихся примерах входит в устойчивое выражение. Вероятно, то же самое наблюдается и со словом *погренути* в так называемых междукиянских договорных грамотах: повторяются одни и те же стереотипные фразы. Поэтому добраться до первоначального смысла слов *погренути* и *погребъ* в этих устойчивых сочетаниях можно лишь косвенным путем. Единственный пример, который мог бы дать ключ к их первона-

⁴² ДДГ, № 37, стр. 106.

⁴³ ИГР V, примеч. 332, стр. 210.

⁴⁴ ДДГ, № 24, а) стр. 65, б) стр. 67.

⁴⁵ ДДГ, № 59, а) стр. 187, б) стр. 190.

⁴⁶ ДДГ, № 9, стр. 27.

⁴⁷ ИГР V, примеч. 35, стр. 18.

⁴⁸ Коростынский договор великого Новгорода с великим князем Иваном Васильевичем о мире. — ПРП II, стр. 256.

чальному значению, это выражение *rѣзъ погренути* в Русской Правде. Прежде чем вплотную заняться этой фразой, необходимо установить, какое из предложенных первоначальных значений слова *rѣзъ* правильно. Дело в том, что хотя нельзя, конечно, ничего возразить против предположения, что это слово формально соотносимо с *резать*⁴⁹, семантические связи между 'резать' и 'рост' (= 'процент') не вполне уяснены.

Миклопич считал, что зависимость между корнем *rѣz* и *rѣзъ* неясна⁵⁰. Преображенский, однако, понимал ее таким образом: «м.-б., что значить вначалѣ *верхъ, вершокъ* в сыпучихъ тѣлахъ, срѣзываемый линейкой и служащій процентомъ заимодавцу. Не совсѣмъ ясно»⁵¹. Против этого предположения Преображенского можно, во-первых, возразить, что мы не знаем, было ли «срѣзывать верх» техническим термином при определении ренты на сыпучие товары⁵²; во-вторых, в древнерусском языке уже имелся термин для ренты при займе сыпучих товаров, а именно *присопъ*. Это слово — если мы придерживаемся цитированного объяснения Преображенского — должно было бы в первую очередь получить общее значение 'рента'. Кроме того, существовало еще несколько слов для обозначения ренты в специальном смысле соответственно типу товара, например *настасъ* при займе меда, *приплодъ*⁵³.

М. Ф. Владимирский-Буданов еще раньше объяснял *rѣзъ* как 'прирезку, прибавление к металлической монете или шкурам ценных зверей'⁵⁴. Это объяснение не дает, однако, ответа на вопрос, почему слово *rѣзъ* получило общее значение 'рента', в то время как слова, обозначающие особые виды ренты (для различных товаров), продолжали существовать. Действительное основное значение слова *rѣзъ* по Фасмеру — '*Einschnitt, Kerbe*', но он не рассматривает семантически связь между значениями слов *Einschnitt* и *рента*⁵⁵.

Однако уже Даль предложил правильное толкование слова *rѣзъ*, толкование, которое, кроме того, поддерживается его первым представлением о природе этих «нарезок». А именно, он считал, что *rѣзъ* — это нарезка или врез, которые делались на бирке для обозначения долга; Даль цитирует фразу: «есть

⁴⁹ Преображенский, под словом *rѣзъ*.

⁵⁰ Miklosich, стр. 278.

⁵¹ Преображенский, под словом *rѣзъ*.

⁵² У Дalia (I, стр. 348) говорится: «Греблѣ ср. дощечка, брускъ, палочка, которою сгребаютъ верхи, ровняютъ сыпучій товаръ (хлѣбъ, муку) съ краями мѣры».

⁵³ Ср.: П. Мроцек - Дроzdовский. Иаслѣдованія о Русской Правдѣ, вып. II, стр. 260.

⁵⁴ «Хрестоматия по истории русского права» I, 1899. — За неимением этой книги, сведения почерпнуты из ПР II, стр. 418.

⁵⁵ Vasmeg II, под словом *резъ*.

на моей биркѣ и твої рѣзъ»⁵⁶. Общеизвестно, что нарезка сыграла и все еще играет важную роль в общественных организациях всего мира, независимо от их принадлежности к определенной культуре и цивилизации, в качестве числового обозначения самых различных предметов и явлений. Корни этой особой области применения уходят вглубь, к самому зарождению человеческой культуры; нарезка была, вероятно, предпоследней цифрой и букв, которые она в некоторых случаях может заменить и сейчас⁵⁷.

Если мы в этой связи ограничимся только славянской культурой, то известно, что черноризец Храбр уже нашел у славян «черты и рѣзы», с помощью которых они «чтѣху и гатааху», и Ягич с полным правом считал, что под «чтѣху» подразумевается счет. К этому Ягич прилагает показательные примеры с бирками, на которых врезанные нарезки обозначали различные числовые величины и, что особенно для нас интересно, различные долги и платежи⁵⁸. Когда нужно было на палочке, разделенной на две одинаковые половинки — одну для заимодавца, другую для должника, — обозначить, что долг заплачен, поступали следующим образом: или просто уничтожали бирку⁵⁹, или вычеркивали нарезку⁶⁰, или перечеркивали ее⁶¹. Последний вариант напоминает об упомянутом Ягичем случае: «Въ случаѣ, если должникъ заплатилъ только часть той суммы, которая отмѣчена на рабошѣ [т. е. на бирке], эта часть знаковъ подрѣзываются внизу...»⁶².

На фоне всего сказанного выражение *рѣзъ погренуты* в Русской Правде первоначально значило, вероятно, 'острым орудием вычеркнуть или перечеркнуть нарезку (обозначающую на бирке ренту)'. Отлагольное существительное *погребъ* в таком случае означало исконно 'вычеркивание, перечеркивание'. Когда затем конкретная ситуация забылась, *погренуты* и *погребъ* могли означать 'уничтожить' и 'уничтожение', как показывают примеры из междукняжеских договорных грамот. В предполагаемом нами первоначальном значении глагола *погренуты* не заключается ничего неожиданного, поскольку это только одна из возможных конкретных реализаций общего значения 'царапать, скрести' (пальцами, руками или каким-либо орудием), харак-

⁵⁶ Даль IV, стр. 109.

⁵⁷ Ср., например: M. V e g w o r n . — «Korrespondenzblatt der deutschen Gesellschaft für Anthropologie, Ethnologie und Urgeschichte» 42, 1911, стр. 53.

⁵⁸ И. В. Ягич. Вопросъ о рунахъ у Славянъ. — ЭСФ 3:1, 1911, стр. 26.

⁵⁹ Там же, стр. 31.

⁶⁰ Этот способ известен, между прочим, в Скандинавии.

⁶¹ Ср., например, «Viehzucht und Hirtenleben in Ostmitteleuropa. Ethnographische Studien». Budapest, 1961, стр. 623.

⁶² И. В. Ягич. Указ. соч., стр. 34, с иллюстрацией на стр. 32, рис. 7.

терного для славянского *greb-*. Само собой разумеется, что 'похоронить' — только другая реализация того же значения, которая в особенности закрепилась за словами с основой *pogreb-*. Третье значение, того же происхождения, что и только что упомянутые, находится в русском «грести все к себе» ('an sich raffen'). Будет, конечно, совершенно правильно отнести оба последние глагола к одному и тому же этимону⁶³, так же как нет повода предполагать существование третьего славянского глагола *grebъ*, который якобы встречается в русск.-слав. *о-гренути ся*, и др.⁶⁴, к которым Соболевский ранее присоединил др.-русск. *отгрѣнути* и *съ-гренути*⁶⁵.

Наше истолкование семантического развития древнерусских слов *погренути* и *погребъ* подтверждает в некоторой степени и еще одно слово, также принадлежащее древнерусскому периоду и имеющее юридическое содержание, а именно *дерть*. Древнерусскому слову *дерть* посвящена статья финляндского лингвиста Ю. Вихманна, который, однако, не занимался его семантическим происхождением⁶⁶. Судя по всему, это слово встречается только в XV в., и, за исключением одного примера, только в междукняжеских договорных грамотах:

А что будуть на ваши люди, которые вам служить, пени старые или суды, и кто отъ судов и отъ пень оутекли, и отъ порук, или в нашо нелюбье межи нас и наших людеи суды, и воины, и гра (*sic!*) и грабежи, и тому всему *дерть* по нашо доконьчанье (1434 г.). Докончание великого князя Василия Васильевича с князьями галицкими Дмитрием Шемякой и Дмитрием Красным Юрьевичами. Грамота в. кн. Василия Васильевича князьям Дмитрию Шемяке и Дмитрию Красному Юрьевичам)⁶⁷.

Подобные выражения встречаются во многих докончаниях, между Василием Васильевичем и русскими князьями, например:

А што, брате, в наше розмирье в наших ѿтчинах воины или грабежи чинилиса, а тому всему *дерть* по се наше докончание на ѿбѣ стороны (1441—1442 гг.). Докончание великого князя Василия Васильевича с князем галицким Дмитрием Юрьевичем. а) Грамота в. кн. Василия Васильевича кн. Дмитрию Юрьевичу)⁶⁸.

⁶³ Vasmer I, под словом *гребу*.

⁶⁴ Вегнекер, под словом *grebъ* 3.

⁶⁵ См.: А. И. Соболевский. Указ. соч., примеч. 33 и 34.

⁶⁶ Y. Wichmann. — «Mélanges de philologie, offerts à M. J. J. Mikola à l'occasion de son 65 anniversaire, le 6 juillet 1931». Helsinki, 1931 (=Ann. Ac. Sc. Fenn., Serie B., 27), стр. 347—348.

⁶⁷ ДДГ, № 34, стр. 88.

⁶⁸ ДДГ, № 38, стр. 109.

Карамзин именно в этом месте переводит *дерть* как 'забвение'⁶⁹, т. е. это слово становится синонимом к разобранному выше *погребъ*. Срезневский хотя и не дает перевода к слову *дерть*, ссылается, однако, на Карамзина⁷⁰. Причиной молчания Срезневского относительно значения *дерть* могло быть то, что он воспринимал перевод Карамзина как слишком приблизительный и не раскрывающий первоначального смысла этого слова. Дело в том, что даже если понимать *дерть* и *погребъ* как синонимы, перевод Карамзина становится неуклюжим, когда эти слова встречаются в одном контексте: а войнъ и грабежу учиниль *дерть* и *погребъ* всему (1471 г.)⁷¹.

Ясно, что примеры со словом *дерть* представляют собой такое же застывшее выражение юридического характера, как это было в случае с *погребъ*; и хотя можно не сомневаться, что *дерть* связано с *драти*⁷², первоначальное значение этого существительного трудно различимо в таких стереотипных оборотах. Но подобно тому, как определенный контекст дал нам ключ к первоначальному значению *погренути* и *погребъ*, таким же образом один пример проливает свет на семантическое происхождение слова *дерТЬ*: это продолжение уже цитированного примера, относящегося к 1396 г.:

(А что судиль Киприлъ..., а то есмы *погренули*), и грамоты *подрати* и тѣх судовъ 'и судебные письма порвать'. Так как *подрати* в значении 'порвать, юридически сделать документ недействительным' хорошо известно в древнерусском языке⁷³, не будет ошибкой утверждать, что *дерТЬ* первоначально значило 'разрывание' и позднее через особое юридическое применение в смысле 'порвание документа с целью сделать его недействительным' получило абстрактное значение 'прекращение, конец, забвение, амнистия'⁷⁴.

Древнерусские слова *погренути*, *погребъ*, *рѣзъ* и *дерТЬ*, принадлежащие к одному и тому же семантическому полю, как обнаружилось, встречаются исключительно в юридическо-бытовых документах, не относящихся к русской церковной литературе. Путем изучения этих слов в их семантической среде,

⁶⁹ ИГР V, примеч. 277, стр. 182.

⁷⁰ Срезневский I, под словом *дерТЬ*.

⁷¹ Сказано о великом князе Иоанне Васильевиче после завоевания Новгорода согласно Лѣтописцу Новгородскому Церквамъ Божімъ (=Новгородскія лѣтописи. Издание Археографической Комиссіи. СПб., 1879, стр. 301).

⁷² Вегпекер, стр. 257.

⁷³ Срезневский I, под словом *драти*.

⁷⁴ Три первые значения имеются: А. В е р е ц а г и н . Древніе акты, относящіеся къ истории Вятского края. Приложение къ 2-у тому сборника «Столѣтие Вятской губерніи». Вятка, 1881. — За неименем этой книги цит. по Ю. Вихману (указ. соч.). Последний перевод, например: В е г п е к е р , стр. 257.

которая, таким образом, принадлежит живому древнерусскому народному языку, мы пришли к выводу, что эти слова обладали таким конкретным первоначальным значением, что добавочные их значения предстают просто как приблизительные описания. Вероятность такого конкретного первоначального значения в каждом слове зависит от взаимной мотивированности слов, которая в первую очередь лежит не в языковом плане, а связана с внеязыковой сферой.

Нашим исследованием мы хотели показать, что этимология анализируемых слов перестает быть только формальным сопоставлением, когда она опирается на раскрытие их семантической истории.